

утраченных компонентов целостности духовного мира, человеческих ценностей и устойчивости этноса. Государство, проявляющее целенаправленную заботу и интерес к собиранию, изучению, пропаганде традиционной культуры своего народа, определит тем самым генеральную линию духовного развития общества и устойчивость этноса во Времени и Пространстве.

Литература

Абдуллаев 1990 — *Абдуллаев А.* Азербайджанский обрядовый фольклор и его поэтика. Баку, 1990.

Васильков 1998 — *Васильков Я.В.* Древнеиндийский вариант сюжета о «безобразной невесте» и его ритуальные связи // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1998. С. 83—128.

Зуева, Кирдан 2002 — *Зуева Т.В., Кирдан Б.П.* Русский фольклор. Учебник для высших учебных заведений. 4-е изд. М., 2002.

Инан 1998 — *Инан А.* Шаманизм тарихта һәм бөгән. Өфө, 1998.

Йола фольклоры 1995 — Башкорт халык ижады. Йола фольклоры. Т. I. Төз., башһүз һәм англ. авт.: Ә. Сөләймәнов, Р. Солтангәрәва. Өфө, 1995.

Латыпов 2001 — *Латыпов Ф.Р.* Женщина: ее роли, занятия и окружающие предметы быта в пратюркском мире западного средиземноморья VII—II вв. до н.э. // Ядкяр. 2001. № 3. С. 137—146.

Налоев 1988 — *Налоев З.М.* Адыги // Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988. С. 84—85.

Немировский 1983 — *Немировский А.И.* Этруски: От мифа к истории. М., 1983.

Сагалаев 1991 — *Сагалаев А.М.* Урало-алтайская мифология. Новосибирск, 1991.

Султангареева 2001 — *Султангареева Р.А.* Кеше хақы. Ценностность человека в праве как основа морального сознания башкир // Философская и общественно-политическая мысль Башкортостана XX столетия. Уфа, 2001. С. 151—152.

Султангареева 2006 — *Султангареева Р.А.* К вопросу о тэнгрианстве башкир // Ватандаш. 2006. № 2. С. 168—183.

Эпос 1998 — Башкорт халык ижады. Эпос. Т. III. Инеш мәкәлә авт. М. Сәғитов, төз., һүз ахыры авт. Ә. Сөләймәнов, Р. Рәжәпов. Өфө, 1998.

Сокращения

ЛАС — личный архив Р.А. Султангареевой.

Г.Р. ХУСАИНОВА

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ И ТЮРКСКИЕ СЮЖЕТЫ О МАЧЕХЕ И ПАДЧЕРИЦЕ

Сюжеты о мачехе и падчерице есть в сказочных репертуарах многих народов мира. У одних народов, например восточных славян, литовцев, башкир, узбеков и азербайджанцев, они встречаются чаще, у других (татар, туркмен) — реже. Предметом специального изучения названные сюжеты стали в диссертациях [Смирнов-Кутачевский 1942; Сесельските 1984; Лутовинова 1991]. Не обошли их вниманием в своих трудах известные российские ученые Н.П. Андреев, Р.М. Волков, Е.М. Мелетинский, В.Я. Пропп и др. Обращались к ним и башкирские исследователи М.Х. Мингажетдинов, Н.Т. Зарипов.

В первой половине XX в. Р.М. Волков выделил у восточных славян пять типов сюжета о мачехе и падчерице: «Кобыляча голова», «Морозко», «Золушка», «Буренушка», «Мачеха, преследующая падчерицу из зависти к ее красоте» [Волков 1924]. В сравнительном указателе сюжетов восточнославянской сказки также отмечены пять основных типов названного сюжета: СУС 403 (Подмененная жена), СУС 409 (Мать-рысь), СУС 480 (Мачеха и падчерица), СУС 510 (Золушка), СУС 511 (Чудесная корова), но при этом отсутствует последний сюжет из классификации Р.М. Волкова. Исследователь русской народной сказки Е.И. Лутовинова, изучая названные сюжеты, выделяет девять типов: «Морозко», «Двенадцать месяцев», «Кобылячья голова», «Испытание в лесной избушке», «На службе у колдуны», «Гуси-лебеди», «Женская работа», «За огнем к Бабе-яге», «Тербень-Тербень» [Лутовинова 1991; 1993]. К удивлению, в русской сказочной традиции ею не отмечены сюжетные типы «Золушка» и «Буренушка», имеющие место как у Р.М. Волкова, так и в СУС.

Во всех трех классификациях в основном отмечены все сюжетные типы о мачехе и падчерице с небольшими от-

Представляем научные центры

клонениями. У Е.И. Лутовиновой сюжетных типов кажется больше, однако в СУС все они расположены в подтипах сюжетов 403 и 480.

Многие из отмеченных в СУС сюжетных типов о мачехе и падчерице имеют место и в сказочной традиции тюркских народов. Более того, у некоторых из них (башкир, татар, узбеков) выделяется сюжетный тип АТ 485А, отсутствующий у восточных славян, точнее, «растворяющийся» в сюжетном типе АТ 480. Так, у башкир выявлены сюжеты типов АТ 511, 480С, 485А, 403, 409, 510 [Башкирское народное творчество 1976]. В башкирском сказочном репертуаре обнаруживается большое количество сюжетов о чудесном горшке, помогающем падчерице, однако ни в указателе международных сюжетов Аарне — Томпсона, ни в СУС их параллели не отмечены. У татар нами выявлены только два сюжетных типа: АТ 480 и 485А [Татарское народное творчество 1951, 461]. У узбеков, по нашим наблюдениям, существуют четыре сюжетных типа: АТ 485А, 511, 510, 403 [Узбекские народные сказки 1986, 199], но не выявлены типы АТ 409 и 480. В то же время имеющий место в сказке «Две сестры» [Там же, 28] сюжетный тип, в котором грубый, неряшливый сын мачехи хочет жениться на падчерице, на наш взгляд, не имеет параллелей у других народов. В сюжетном репертуаре сказок туркмен нами отмечен один сюжетный тип сказок о мачехе и падчерице — АТ 485А [Проданный сон 1969, 92].

Из исследования А.М. Алиевой мы знаем, что в репертуаре азербайджанского народа имеют место пять сказок на сюжет о мачехе и падчерице: «Черная лошадь», «Искендер, знаток птичьего языка», «Красивая Фатма», «Деревянный мяч» и «Сиротка» [Алиева 1992, 10—11].

Следовательно, наибольшее распространение в репертуарах сказок тюркских народов сюжеты о мачехе и падчерице получили у башкир, узбеков и азербайджанцев. Сюжетные типы АТ 403, 480, 510, 511 имеют место среди сказок многих народов. Реже встречается либо совсем отсутствует тип АТ 409, чаще у тюркских народов отмечается сюжетный тип АТ 485А, а у русских — АТ 480. В то

же время у некоторых народов существуют сюжеты, не имеющие параллелей у других. Таковы, например, восточнославянский сюжет «Мачеха, преследующая падчерицу из зависти к ее красоте», башкирский «Чудесный горшок», узбекский «Неряшливый сын мачехи хочет жениться на падчерице».

Названные выше сюжетные типы в репертуарах сказок встречаются как в «чистом», так и контаминированном виде. Следует обратить внимание на контаминацию сюжетов у разных народов. Так, у восточных славян контаминируются следующие сюжетные типы сказок о мачехе и падчерице: СУС 403 и 511, 409 и 511, 480 и 480*, 480* и 510А, 510А и 511, 511 и 403, 511 и 409, 511 и 510А; у башкир: АТ 403 и 409, 511 и 403, 511 и 510; у татар: АТ 480 и 485А. Интересная контаминация наблюдается в узбекской сказке, где из пяти соединенных сюжетных типов четыре являются интересующими нас сюжетами: АТ 485А, 511, 510, 403.

Таким образом, изученный материал показывает, что контаминация сюжетов у разных народов внешне кажется схожей, т.е. соединяются одни и те же сюжетные типы, но это лишь предварительные выводы, поскольку для сравнения необходимо привлечь больше материала. Ведь какими бы схожими сюжеты ни казались, в них есть отличия. Возьмем, к примеру, сюжет АТ 511 (Чудесная корова), к которому относятся русская народная сказка «Крошечка-Хаврошечка» АТ 511), украинская — «Мать-рысь» (АТ 511 + АТ 403), башкирская — «Падчерица» (АТ 511 + АТ 403), узбекская — «Дочь пастуха». Во всех названных сказках мачеха дает падчерице трудное задание: в русской — *«пять пудов напрядь, наткать, побелить, в трубы покатыть»* [Афанасьев 1985, 121], в украинской — *«когда будет пасти волов, напрядь за день полмотка из конопли»* [Восточнославянские волшебные сказки 1992, 396], в башкирской — *«коноплю напрядь и белое полотенаткать»* [Башкирское народное творчество 1976, 225], в узбекской — *«пасти корову да напрядь ниток из хлопкового волокна»* [Узбекские народные сказки 1986, 200]. Трудное задание, как вид-

но, заключается в том, чтобы напрядь пряжи и наткать полотна. Справиться с заданием помогает корова. В русской сказке: «*Вылезет красная девица из ушка коровы — всё готово: и наткано, и побелено, и покато*» [Афанасьев 1985, 121]. В украинской: посмотрела падчерица в левое ухо вола — а там коноплю мнут, прядут, шьют, мотают, снуют, заглянула в правое — а там уже всё готовое лежит — напрядено, пошито, смотано и сложено. Она взяла себе готовый полумоток и понесла домой. В башкирской: корова съела волокно и выплюнула белое полотно. В узбекской: накормила корову хлопком, а потом из ее вымени вытянула нитки и смотала в клубок.

На примере сюжетного типа АТ 511 (Чудесная корова) видно, что и в восточнославянских, и в тюркских сказках мачеха велит напрядь огромное количество пряжи и наткать полотна, но способ помощи коровы отличается. В восточнославянских сказках падчерица либо влезает в ушко коровы, либо из уха коровы достает готовое полотно. В тюркских же корова должна съесть волокно, а потом выпустить нитки (полотно) либо через рот, либо через вымя. В этом сюжетном типе внимание привлекает еще один момент. Из захороненных останков коровы в русской и башкирской сказках вырастает яблоня, но яблоки с нее может сорвать только падчерица. В узбекской останки коровы превращаются в нужные падчерице предметы одежды: коровья шкура — в златотканую шубу; копыта — в сапожки, да такие красивые, словно лодочки; кровь — в шелковое платье; кости — в кораллы, алмазы и жемчуга.

Рассмотрим не менее распространенный сюжетный тип АТ 480, который особенно популярен у русских (в «Народных русских сказках» А.Н. Афанасьева даны девять вариантов данного сюжета — сказки № 95, 96, 97, 98, 99, 102, 103, 104, 113 [Афанасьев 1985]). В этой сказке мачеха велит своему старику, т.е. родному отцу падчерицы, увезти девушку в лес и оставить там. Приказ мачехи выполняется, и далее события развиваются в лесу: падчерица правильно ведет себя с Морозко или с Бабой-ягой и возвращается домой с их подарками, а род-

ная дочь мачехи, проделавшая путь падчерицы, погибает. Начала башкирской сказки «Ишяле и Суябика» и татарской «Падчерица» соответствуют сюжетному типу АТ 480: по велению мачехи в первой сказке старик, а во второй старший брат отвозят девушку в лес, однако далее события развиваются по-другому. В первой сказке сюжет о мачехе и падчерице сливается с легендой о происхождении названий речки и деревни. Примечателен здесь образ мыши, помогающей падчерице, встречающийся и в русских народных сказках [Лутовинова 1993, № 98, 102]. Вторая часть татарской сказки «Падчерица» относится к сюжетному типу АТ 485А, т.е. наблюдается частотная в сказочной традиции контаминация двух сюжетных типов о мачехе и падчерице.

Привлекает внимание также башкирская народная сказка «Падчерица и кикимора» (сюжет АТ 480С), в которой падчерица, отправленная по настоянию мачехи в баню на растерзание демоническим существам, благодаря уму и догадливости не только дотягивает время до первых петухов и остается живой, но и, заставив кикимору таскать по одному предмету одежды, возвращается домой богатой. В русской народной сказке «Дочь и падчерица» [Лутовинова 1993, № 118] к девушке в землянку в полночь вламывается медведь и заставляет играть в жмурки. С помощью мыши, накормленной ею накануне, падчерица не дает себя поймать, за что медведь приводит ей стадо коней и приносит воз добра, а родную дочь мачехи, которая отказалась накормить мышью и не справилась с заданием, медведь губит. Поскольку здесь имеет место образ мыши-помощника, трудно провести параллель с предыдущей башкирской сказкой, но отправление мачехой падчерицы в баню в первом случае и в землянку во втором, появление в полночь медведя в русской сказке и кикиморы в башкирской, а также приобретение одежды и коней сближают их.

В один ряд с этими сказками можно поставить еще одну восточнославянскую сказку — «Кобылячья голова» [Там же, № 119]. Здесь падчерица выполняет все просьбы демонологического существа —

Кобылячьей головы, затем по ее требованию влезает в ее правое ухо и вылезает из левого, став красавицей. К тому же у падчерицы тут же появляются кони, коляска и лакеи. Итак, во всех этих сказках посланная на смерть падчерица возвращается домой богатой. У других народов пока параллели сюжета АТ 480С не выявлены.

Обратим внимание на сюжетный тип АТ 485А, который, как было сказано выше, характерен для сказочной традиции тюркских народов. Так, мы имеем башкирский, татарский, узбекский, туркменский варианты названного сюжета. Сравнительное изучение показало, что сюжетная канва башкирской и татарской сказки во многом совпадают: падчерица идет за клубком пряжи; встречается пастухов и помогает им, за что получает в башкирской сказке гуся, овцу, корову и лошадь, а в татарской — лошадь, корову и козу; попадает в дом к старухе, которая велит затопить баню и искупать ее, искать в голове, танцевать. Убедившись в порядочности девушки, в обеих сказках старуха возвращает ей клубок, награждает сундуком и отправляет домой. Туркменский же вариант данного сюжетного типа немного отличается от других. Во-первых, в нем падчерица идет не за клубком пряжи, а за унесенным хлопком; во-вторых, здесь падчерица попадает прямо в лачугу старухи-дэв и пастухи ей не встречаются. Зато старуха-дэв дает ей почти такие же задания, как в башкирской и татарской сказках: искать в голове, посмотреть порог лачуги, где были рассыпаны серебряные краны, но велит не танцевать, а отряхиваться, проверяя таким образом порядочность девушки. Награда ее тоже своеобразна: она приказывает падчерице искупаться в реке, отчего девушка становится очень красивой. Так, если башкирская и татарская старуха наградили падчерицу за честную службу платьями и драгоценностями, то туркменская — красотой. Что касается узбекской сказки «Дочь пастуха», то в ней обнаруживается только один эпизод интересующего нас сюжета (ветер уносит хлопок падчерицы и загоняет его в пещеру) и он полностью совпадает с туркменской.

102 Необходимо отметить и то, что во всех

версиях, кроме узбекской, родная дочь мачехи проделывает тот же путь, что и падчерица, но делает всё наоборот и погибает.

Чрезвычайно интересен и сюжет АТ 403 (Подмененная невеста), хотя он встречается реже и в ряду сюжетов о мачехе и падчерице в «чистом» виде не обнаруживается. У восточных славян данный сюжет по традиции контаминируется с сюжетным типом АТ 511 (Чудесная корова) — это русская народная сказка «Буренушка» [Афанасьев 1985, 122]. У башкир интересующий нас сюжетный тип тоже встречается в такой традиционной для восточнославянской сказки контаминации в сказке «Падчерица» [Башкирское народное творчество 1976, 224]. Также имеется вариант, в котором сюжетный тип АТ 403 контаминируется с АТ 409 — это сказка «Кукушка» [Там же, 217], а в сказке «Сивая корова» [Там же, 228] наблюдается соединение трех сюжетных типов: АТ 511, 510А и 403. Почти такая же контаминация и у узбекской сказки «Дочь пастуха». Мотив подмененной невесты в русской сказке проявляется в том, что мачеха «обворачивает падчерицу гусынею, а свою дочь срядила Ивану-царевичу в жены» [Афанасьев 1985, 123]; в башкирских мачеха колдовством превращает падчерицу в птицу [Башкирское народное творчество 1976, 226], в кукушку [Там же, 218], в лебедя [Там же, 229]. В узбекской «подкралась (мачеха. — Г.Х.) к падчерице, схватила ее, выколола оба глаза, отвезла девочку на болото, заросшее густым камышом, и там бросила, а свою дочь проводила во дворец» [Узбекские народные сказки 1986, 204]. Таким образом, в восточнославянской и башкирских народных сказках подмена мачехой падчерицы происходит превращением последней в птицу, а в узбекской мачеха избавляется от падчерицы, выколов ей глаза.

Изучение сюжетов о мачехе и падчерице в сказочном материале у восточных славян и тюрков демонстрирует их большое сходство как на уровне сюжетной линии, так и в образной системе, а выявленные отличия указывают на существующую национальную специфику изучаемого материала.

Литература

Алиева 1992 — Алиева А.М. Женские образы в азербайджанских сказках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.

Афанасьев 1985 — Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в 3 т. Т. 1. М., 1985.

Башкирское народное творчество 1976 — Башкирское народное творчество. Сказки. Кн. 1 / Сост. М.Х. Мингажетинов, А.И. Харисов; Коммент. Л.Г. Барага, М.Х. Мингажетинова. Уфа, 1976. (На башк. яз.)

Волков 1924 — Волков Р.М. Сказка. Разыскания по сюжетосложению народной сказки: Сказка великорусская, украинская и белорусская. Т. 1. Одесса, 1924.

Восточнославянские волшебные сказки 1992 — Восточнославянские волшебные сказки / Сост., подгот. текстов, вступ. ст., коммент., словарь Т.В. Зуевой; Пер. с укр. и белорус. яз. Т.В. Зуевой, Б.П. Кирдана. М., 1992.

Лутовинова 1991 — Лутовинова Е.И. Русские сказки о мачехе и падчерице. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.

Лутовинова 1993 — Русские народные сказки о мачехе и падчерице / Сост., вступ. ст. и прилож. Е.И. Лутовиновой. Новосибирск, 1993.

Проданный сон 1969 — Проданный сон. Туркменские народные сказки / Перевод с туркмен., сост., вступ. ст. и примеч. И.В. Стеблевой. М., 1969.

Сесельските 1984 — Сесельските А.А. Литовские волшебные сказки о мачехе и падчерице. Дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1984.

Смирнов-Кутачевский 1942 — Смирнов-Кутачевский А.М. Народные сказки о мачехе и падчерице. Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1942.

Татарское народное творчество 1951 — Татарское народное творчество / Сост. Г. Баширов, А. Шамов, Х. Ярми, Х. Усманов. Казань, 1951.

Узбекские народные сказки 1986 — Узбекские народные сказки / Сост. Я.Т. Тураев. Ташкент, 1986.

Сокращения

АТ — The types of the folktale. A classification and bibliography / Antti Aarne's Verzeichnis der Marchentypen translated and enlarged by Stith Thompson. 2 revision. Helsinki, 1964.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Барага, И.П. Березовский, К.П. Кабашников и др. Л., 1979.

Ф.А. НАДРШИНА

ЖАНРЫ БАШКИРСКОЙ НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЫ

До конца 60-х годов XX столетия башкирская несказочная проза не была предметом специального исследования. Отдельные образцы легенд, преданий, быличек или пересказы их содержания в контексте историко-этнографических работ, опубликованные в разное время, обозначались терминами «предание», «сказание», «рассказ», «поверье», «небылица» (П.И. Рычков), «предание», «легенда», «хроника» (М.В. Лоссиевский), «мифологический рассказ» (А. Алимгулов).

В 1920-е гг. в башкирской периодической печати жанры несказочной прозы обозначались (также без выявления жанровой природы) терминами «кисса» (в народе — исторический рассказ, в современной научной литературе — романтическое сказание), «вакает» (хроника), «карсюз» (миф, старина), «риваят» (предание), «тарих» (история).

Начиная с 1930-х гг. башкирские народные рассказы с установкой на достоверность за редкими исключениями назывались одним термином — «легенда». В трехтомнике «Башкорт халык ижады» («Башкирское народное творчество») предания, легенды и другие устные рассказы не были выделены как жанры, а отдельные образцы этого вида фольклора представлены в составе сказок [Башкорт 1959, 75, 107, 245]. И лишь в 1960—1980-е гг., благодаря усиленной собирательской и исследовательской деятельности фольклористов, проделана значительная работа по упорядочению терминологии, классификации жанров народной прозы, определению их семантической структуры.

Изучив теоретические работы по данной проблематике¹, мы разграни-

¹ См., например: [Чистов 1964; 1977; Путилов 1962; Азбелев 1965; Пропп 1976; Аникин 1966; Соколова 1970; Кругляшова 1974; Гацак 1973; Кравцов 1972; Гусев 1976; Новик 1986; Криничная 1987; Мингажетинов, Сулейманов 1969; Каскабасов 1988; Ахметшин 1996 и др.].